

ДМИТРИЙ
АГАЛАКОВ

ОХОТА

НА

МИНОТАВРА

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ

ДЕТЕКТИВНЫЙ

РОМАН

Дмитрий Агалаков

Охота на Минотавра

«Издательство АСТ»

2020

Агалаков Д. В.

Охота на Минотавра / Д. В. Агалаков — «Издательство АСТ»,
2020

На руинах бывшего кирпичного завода купца Мельникова жители города Вольжанска все чаще видят по ночам чудовище с телом человека и головой быка. По легенде, в подземных коридорах завода заточен ребенок-урод, которого жена купца родила от самого дьявола. Дело принимает трагический оборот, когда несколько молодых рокеров, решивших поохотиться на таинственное существо, погибают. На телефоне одного из молодых людей, упавших и разбившихся на обломках кирпича, видна тень этого полужверя, получеловека. Юля Пчёлкина, Мишка Сомов и Паша Киселев расследуют загадочное дело. Они узнают что в этих поволжских краях существовал древний культ языческого бога, и его последователи ежегодно устраивают оргию во славу этого божества. Юля и её друзья пробираются в подвалы завода и видят в каменном тоннеле чудовище с атлетическим телом, рогатой головой быка, и налитыми кровью глазами...

© Агалаков Д. В., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дмитрий Агалаков

Охота на Минотавра

Детективный роман

...Они озирались, встав у лестницы и обводя фонариками темноту. Тут было пусто и просторно, холодно и сыро. Лучи фонарей то и дело натывались на широкие колонны с огромными несущими арками. Они приблизительно знали, где сейчас находятся: в лабиринте под корпусами кирпичного завода промышленника Мельникова.

Детективы сделали полсотни шагов.

– Мрачное помещение, – заметил Сомов. – А, коллеги?

– Ага, – поддержал его Паша.

– Интересно, когда тут последний раз были люди? – спросила Юля. – В каком веке? И кому понадобилось строить такое подземелье?

Юля оглянулась на открытый люк, через который они только что попали сюда. Инстинктивно оглянулись Мишка и Паша. Тусклый свет падал в беспроглядно темный подвал, показывая, где выход, и это вселяло надежду. Наконец лучи трех фонарей натолкнулись на сплошную стену справа – уже хорошо! Существовали хоть какие-то границы в этом подземном дворце, похожем на просторную могилу.

– Монстры! – вдруг завопил что есть силы Мишка Сомов. – Где вы?! Монстры?!

– Ты спятил? – одернула его Юля.

– А что, страшно? Боишься, что проснутся?

– Нет, но неприятно.

– То же самое, что кричать на кладбище, а? – усмехнулся Сомов. – Ночью. Сознайся, Белоснежка.

– Почти, – призналась она.

– Вы слышите? – спросил Мишка.

– Что? – встрепелась Юля.

– Тот же звук, – ответил Сомов. – Что и в том подвале. Под колодезем. Как будто кто-то бежит и рычит. Ну же, прислушайтесь...

Втроем они замерли и прислушались.

– Или где-то катится поток воды, – заметил Паша.

– Хватит пугать самих себя, – сказала Юля. – Идемте!

Рассекая темноту фонариками, ребята двинулись вперед.

– Тут можно было подземную парковку устроить, – заметил Мишка. – Какие пространства!

– Как далеко мы пойдем? – спросил Паша.

– Что, Кисель, уже не по себе? – усмехнулся Сомов.

– Да не то чтобы, но...

– Теперь ты знаешь, что такое культурный досуг с Юлей Пчелкиной. Сплошное удовольствие плюс пара седых волос и легкое заикание!

Луч фонаря Паши первым устремился к их ногам...

– Стойте, – резко сказал он. – Под нами решетка!

Ребята осветили пол и тотчас увидели, что каменный пол закончился. Вернее, он был, но лишь местами. Камень чередовался с квадратами пустоты, укрытыми толстенной железной решеткой. Лучи устремились и ниже, под решетку, где кирпичом был выложен коридор. В середине, по желобку, ручейком текла вода.

– Вот что у нас под ногами – еще один тоннель, – пробормотала Юля.

Она едва успела договорить – издали донесся утробный рев. И он не был похож на звук бурлящей воды или мотоциклетного мотора, как прежде. Это был именно рёв живого существа...

– Все это слышали? – когда отзвук рева стих, спросил Мишка.

– Ага, – с трудом проглотив слюну, ответила Юля.

– Еще как слышали, – подтвердил ее слова Паша.

– И что вы думаете? – задал новый вопрос Сомов. – Так где-то стекает вода?

На этот раз ответить никто не успел: рев прокатился по тоннелю вниз – и теперь он был куда ближе. Словно какое-то исполинское существо услышало их голоса и теперь неслось сюда!

– Пашка, – пролепетал Мишка Сомов.

– Ну?

– Что это?!

– А фиг его знает, Мишка! Это ужас какой-то. Юля, а что думаешь ты?

– Тсс! – девушка остановила руками спутников. – Это кто-то живой!

– Бежать уже пора, Паша? – спросил Сомов. – Только честно!

– Пора, Миша...

Третий рык прокатился совсем близко – метрах в пятидесяти от них! И теперь хрипящее рычание подкатывалось к ним тихонько, шаг за шагом...

– Это он! – точно делился откровением, пробормотал Паша. – Он!

– Пошли отсюда, – пролепетал Мишка.

– Пошли, – согласился Паша.

Но было поздно!

– Вот он! – прошептала Юля.

Три луча ударили вперед через решетку, и ребята отчетливо увидели его! Прутья мешали, но они увидели! Огромный, он прятался за краем решетки, уходившей в каменный пол – прятался и смотрел! Глаза в глаза! С мордой быка и закрученными рогами, с голым торсом могучего человека. Он смотрел на них и тяжело дышал. Хрипло, как дышат после бега. Трое ребят превратились в соляные столбы. А он стоял неподвижно и смотрел на них снизу вверх выпученными звериными глазами, пунцовыми от крови и гнева...

– Мапочки, – прошептала Юля.

И сделала осторожный шаг назад. За ней стали отступать Мишка и Паша. Они слышали приглушенный рык существа, глядевшего на них через решетку, слышали, как оно сопело, словно выжидало, и решало, как ему быть с непрошенными гостями. Ребята отходили шаг за шагом, решетка становилась все дальше...

– А если у него есть тайный ход и сюда? – пробормотал Мишка. – А вдруг?

Все трое развернулись и понеслись к бледному столбу света, падавшему из открытого люка...

Часть первая Рык в ночи

Глава первая Белоснежка, Гном и Чудила

1

Она смотрела в иллюминатор самолета. Чудесные белые облака – до самого горизонта! Сверкающие на солнце. Райский этаж! Где вы, ангелы? Почему не видно, как вы катаетесь на велосипедах по этому полю и играете в снежки? Как кружите, подобно стрекозам, над белой долиной, с высоты ныряя вниз и легко выныривая наружу? Просто людям вас не видно! Разные измерения. Мы из железного века и замечаем только то, что можно потрогать руками. В остальное мы принципиально не верим...

Юля смотрела в иллюминатор и улыбалась своим мыслям. Нет, она летела не на юг, как хотела раньше. Она летела в город детства – в Вольжанск. Она бы все равно попала туда в это лето, к любимой бабушке, но вначале она собиралась на море. Ей хотелось немного поваляться на черноморском побережье, а то и в Турции, на жарком песке Средиземноморья, и потом уже махнуть на Волгу!

Но все ее планы спутал телефонный звонок. Она шла по коридору родного МГУ, когда в кармашке загудела трубка. Юля взглянула на дисплей. Мишка Сомов!

– Привет, Гном! – первой сказала она. – У меня скоро последний зачет, давай я перезвоню!

– Но пять минут есть?

– Даже десять – для тебя. Что-то важное?

– Еще какое важное. Ты зачет потом сдашь на пятерку!

– Заинтриговал.

– Любишь очень страшные истории? – спросил Сомов.

Юля подошла к окну и облокотилась о подоконник.

– Ты же знаешь – обожаю.

– Тогда слушай. Помнишь, километрах в двадцати от Вольжанска есть брошенный кирпичный завод?

– Помню – купца Мельникова.

– Точно, он еще дореволюционный. Его хотели обустроить, потом решили, что далеко, и корпуса признали аварийными, потому что половину из них народ давно разобрал на кирпичи. Ну, когда еще советская власть была.

– Ближе к сути, Гном.

– Сейчас будет тебе суть, Белоснежка. У меня есть товарищ по медицинскому техникуму, Колян. Он живет на краю города, в Приволжском микрорайоне, и они на эти развалины частенько мотались в юности. Сиделись на мопеды – и туда.

– И мы там были. Забыл, Гном?

– Были.

– Жутковатое место. Для маньяков. И бомжей.

– Точно. Но эти – ребята с окраины – там почти жили. У них там своя страна была. На старой дороге гонки на мопедах устраивали. Ну и, конечно, все хотели призрака увидеть.

– Директора завода? – усмехнулась Юля.

– Разумеется. Ведь ходила легенда, что он появляется в полночь один раз в году. А когда эта полночь – никто не знал. И все ждали. Несколько человек его видели. В разное время. И все говорили, что он был с рогами. Помнишь? Как черт!

– Помню, – поморщилась Юля. – Страшная история. Только откуда у призрака директора завода рога? Никто не подумал.

– И еще он был с огромной головой.

– Отлично. И что дальше? Его поймали?

– Тут самое интересное и начинается. Я тебе не сказал: этот Колян сейчас в больнице. Он с третьего этажа упал. Оступился, когда пятился назад. Вывалился. Переломался весь: руки, ноги, ребра. Но жить будет. Он от этого призрака в десяти шагах оказался. Там, на развалинах.

– Ничего себе.

– А второй, с ним был еще один парень, тот разбился насмерть.

– Эх ты...

– Колян за дерево зацепился, а потом уже рухнул на землю. А тот сразу – на битые кирпичи. Летальный исход. Родители подняли бучу. И тут опять заговорили, что три года назад в этих местах девушка с парнем пропали. Их так и не нашли. И другие пропадали. Раньше. Точно неизвестно, что прямо на развалинах, но в этих местах. А тут еще Колян со своим рассказом. Он ведь разглядел призрака. Правда, ему никто не поверил.

– Ну?

– Никакой это не призрак директора завода. Он вышел на них из темноты. Это был человек с головой быка...

– Как так?

– А вот так. Колян так сказал. Может, он ушибся и его переклинило. Но был не обкуренный и трезвый, как свидетельствовали врачи. Вот откуда все видели рога – это были рога быка!

– А с чего бы это человеку с головой быка взяться на развалинах какого-то старинного завода?

– Не знаю, Белоснежка. Говорю только то, что услышал. Приезжай, вместе и разузнаем...

– Заманиваешь?

– Да вроде как.

– Вот сдам зачет, перезвоню и скажу.

– Жду! – воодушевленно бросил Сомов.

Она сдала зачет на отлично. Юля Пчелкина все делала на отлично: училась, лгала, самоутверждалась. Когда она выходила из университета, то уже знала, что на море ее вряд ли ждет увлекательная и опасная авантюра – разве что любовное приключение. Но разве можно сравнить курортный роман, который нужно еще закрутить, с достойным персонажем, с драматургией остросюжетного детектива, да еще почти фантастического?

Большинство женщин выбрали бы любвеобильный юг, но Юля Пчелкина сильно отличалась от большинства, и поэтому теперь летела в Вольжанск. У родителей, двух профессоров, она отпросилась легко, ведь скоро ее встретит любимая бабушка – отцовская мама, лелеявшая и холившая внучку до седьмого класса, пока ту, наревевшуюся вволю, не забрали в столицу. А любовь можно найти и на волжских просторах, в щедром краю ее недавней юности. И еще какую любовь! Так, глядя на сверкавшую заоблачную красоту – страну ангелов, думала она.

Аэропорт, дорога на такси через пригород. В обед, с сумкой через плечо, она позвонила в дверь бабушкиного дома. Вот она, великая радость для двух женщин, пожилой и юной! Серафима Андреевна горячо обнимала любимую внучку, потом внучка долго обнимала любимого кота Семена, который, не стерпев нежностей, вывернулся и выпрыгнул из рук предательницы,

однажды его бросившей и улетевшей куда-то. А ведь тогда он был еще котенком, ранимой душой. Можно сказать, разбила сердце. Потом был звонок Мишке. Встретиться договорились во дворе. Вот только перекусит путешественница с дороги – и вперед.

– Белоснежка! – Мишка подскочил со скамейки, когда увидел ее на аллее.

– Привет, Гном!

Когда-то они дебютировали в школьном спектакле «Белоснежка и семь гномов». Юлю безоговорочно взяли на роль Белоснежки, а самым популярным среди гномов, весельчаком-балагуром, вжившимся в свою роль, был, разумеется, Мишка. Вот кто не отставал от своей подруги! Так их и прозвали: Белоснежкой и Гномом. Юля-то не была высокой, а Мишка был еще ниже ее на два сантиметра и комплексовал из-за этого ужасно. Но Гномом он позволял называть себя только ей. Шли годы, а Гном всё не оставлял надежд переписать сценарий сказки, в котором Белоснежка скажет ему «да».

Юля притянула друга к себе, нежно обняла его, поцеловала в щеку, потом отступила. А он насмотреться на нее не мог:

– Какая ты стала, Белоснежка... – протяжно выдохнул Мишка.

Ее не было в Вольжанске всего ничего, но когда тебе восемнадцать, ты меняешься каждые полгода и похож на юный бутон, расцветающий буквально за одну ночь.

– Смотри, Гном, смотри, – Юля обольстительно прищурила зеленые лисьи глаза и покрутилась перед ним, дав ему насладиться всеми ее выпуклыми частями тела: и под обтянутыми и вытертыми добела джинсами, и под алой майкой. – Что, беседка занята? – спросила она.

– Да, дети играют. Да еще с родителями. Совести нет.

Из их любимой беседки доносился детский визг.

– Но нам-то чего рассиживаться? – спросила Юля. – Поехали!

– В больницу?

– А куда же еще?

– Она на краю города.

– Я тысячу километров пролетела, Гном. Забыл?

– Точно!

– Как наш японский дракон – на ходу?

– «Ямаха»? – усмехнулся Мишка. – Бегаёт как новая!

– Тогда пошли в гараж, Гном.

– Идем, Белоснежка, – кивнул Сомов.

Через пять минут они с ревом выкатили из двора и вылетели на центральную городскую улицу. На головах молодых людей были шлемы – не поговоришь. Да и город шумел со всех сторон – ревел, рычал, гудел...

До окончания тихого часа в больнице оставалось еще много времени. Можно было съездить по мороженому в ближайшем кафе. И купить яблок и апельсинов для больного: благо дело, напротив больничного комплекса расположился рыночек.

– Как мне тебя представить? – Они сидели под тентом недалеко от шоссе, ведущего за город: – Подругой из Москвы?

– Подругой из Москвы, которая работает в «Аргументах и фактах», – подкорректировала его Юля. – Так надежнее. А то глупо получится: ко мне приехала подруга, Колян, расскажи ей, как ты упал с третьего этажа. Она любит страшные истории. У-у! Можно представиться и корреспондентом истфаковской многотиражки, но «АиФ» звучит серьезнее. И потом, я ведь действительно иногда пишу для них.

– Ладно, – кивнул Мишка. – А ты диктофон взяла?

– Конечно. И ручку, и блокнот.

– Молодец. К нему мать и отец могут прийти, сестра, еще кто-нибудь...

– Значит, подождем.

Они съели мороженое, выпили по бокалу лимонада и зашли на рынок. И только потом, с гостинцами, направились через дорогу к больнице – это был комплекс зданий на краю Вольжанска. Целый медицинский городок за бесконечным кирпичным забором.

– В каком он корпусе?

– В третьем, – сказал Мишка, когда они прошли КПП. – В травматологии, на пятом этаже.

Путешествие по больничному городку по зеленым аллеям заняло не менее четверти часа. И вот – третий корпус, синие бахилы, лифт, пятый этаж. К счастью, они оказались первыми посетителями потерпевшего.

– Какая фамилия у твоего друга? – еще в лифте спросила Юля.

– Чубкин. Николай Чубкин.

– Чубкин? Ладно. Пусть будет Чубкин.

Они вошли в палату на шестерых. Тут лежали еще несколько человек – перевязанные, перебинтованные, несчастные, старые и молодые. Один из них постанывал.

– Где он? – тихонько спросила Юля.

– Вон, – кивнул Мишка.

– Где – вон?

– У окна.

Самым перебинтованным, похожим на мумию, и оказался Колян: две ноги и рука были подвешены, корсет фиксировал поломанные ребра. Голова тоже была крепко перебинтована.

– Привет, Колян, – бросил Сомов. – Тебе повезло с левой рукой. Если бы и ее сломал – трындец...

– Не говори, – мертвым голосом откликнулся больной. – Но лучше бы правая осталась.

Колян уже остановил взгляд на Юле.

– Это Юля Пчелкина, – представил спутницу Мишка Сомов. – Журналистка из Москвы. Вместе учились в школе. Я тебе говорил.

– Здравствуйте, Николай, – доброжелательно улыбнулась Юля. – Мне жаль, что с вами такое приключилось. Очень-очень! А мы вам яблок и апельсинов купили.

– Спасибо, – вяло отозвался тот.

Мишка положил гостинцы на больничную тумбочку и продолжал:

– Юля в «Аргументах и фактах» работает. Как только узнала про этот случай с привидением – сразу прилетела. Ей как раз такой материал нужен.

– Что, про меня напишете? – поинтересовался Колян.

– Разумеется, – кивнула Юля, – если вы расскажете эту невероятную историю.

– Расскажу, конечно, – быстро согласился тот.

– Отлично, – сказала девушка. – Я, правда, внештатный корреспондент и на сто процентов ничего обещать не могу...

– Это ничего, – перебил Колян. – Все равно расскажу!

Присутствие Юли оживило покалеченного Коляна, в глазах его появилась радость: ведь его окружали инвалиды, сам он был почти при смерти – и вдруг само солнышко спустилось к нему.

– Расскажи, расскажи, может, про тебя еще фильм снимут, – посоветовал худой старик с загипсованной ногой, лежавший на соседней койке. – Про дурака-то. – Ребята осуждающе посмотрели на него. – Как ты на стройке обкурился и чуть шею себе не свернул, – добавил он, зло засмеялся, а потом и закашлялся сиплым кашлем заправского курильщика.

– Не курил я ничего, – с жаром выкрикнул Колян. – Я спортсмен. Мотоциклист, в смысле.

– Спортсмен, – усмехнулся язвительный старик. – Все вы курите – с туманом в башке живете.

– Никого не слушайте, – успокоила Юля покалеченного ровесника. – Вот вы, дедушка, как покалечились?

Старик недовольно взглянул на девушку.

– На даче я покалечился, крышу чинил и упал.

– Вот видите, про вас точно фильм не снимут и даже в «Аргументах и фактах» не напишут, – заметила Юля. – У вас самый заурядный случай. Небось, еще и самогона натрескались, да?

– Чего?! – аж приподнялся старик.

Кажется, девушка попала в точку.

– А новый закон, дедушка, знаете? – продолжала она. – Кто покалечился в нетрезвом состоянии и не на работе, как вы, тех домой выписывают на третий день, чтобы больницу просто так не занимали. И за медикаменты вычитают. – Пара мужиков в палате озабоченно засопела, еще один, тоже весь в гипсе, тихонько стал возмущаться. Но Юля не обратила на них внимания. – Знаете, сколько ваш гипс стоит плюс антибиотики плюс уход?

– Ты это мне тут...

– Не тыкайте, – перебила его Юля. – Или замолчите сейчас же, или я к начальнику отделения пойду и скажу, что вы занимаете чужое койко-место. Ясно?

– Ишь, Колька, какие к тебе ходят, а?

– Я спросила: ясно?

Старик не ответил, только закричал и гордо отвернулся от посетителей своего соседа. А Юля подмигнула Коляну: мол, не унывай, бедолага! На вопросы других покалеченных, когда закон вступил силу, Юля дала разъяснения: две недели назад, так что пусть готовятся держать ответ за свои травмы. Одним словом, теплый дружеский контакт был установлен.

– Где сядем, Миш? – спросила Юля.

– Куда больной скажет. А, больной?

– Только вы на одну сторону садитесь, – посоветовал Колян. – А то головой вертеть трудно...

– Нет вопросов, – откликнулась девушка. – Миш, поухаживай.

– Ага! – быстро отозвался тот.

И через минуту они сидели у окна, справа от покалеченного Николая Чубкина. Юля положила на тумбочку диктофон, взяла в руки блокнот и авторучку.

– Ну? – кивнула она.

– Мы там на спор ночевали, – начал Колян. – Дураки... За три дня до этого два наших друга, Соколов и Прошкин, остались на ночь недалеко от развалин. Приехали на мотоциклах, выпили пивка, да немало, расхрабрились, обратно решили не ехать. Лето, жара. И костер горит. Заснули, короче. Так многие и раньше делали. А костер погас. Ночью Прошкин и Соколов встали по делу...

– Одновременно? – спросил Мишка.

– Да, а что?

– Странно.

– Чего тут странного? Проснулись, разговорились, потом, мол, не пора ли нам отлить?

– Все очень достоверно, Николай, – ободрила его Юля. – Продолжайте.

– Ну вот, стоят, делают дело, смотрят на развалины. А они на фоне ночного неба четко видны. Соколов первый увидел и говорит Прошкину: «Смотри на третий этаж». А тот, мол, чего там? «Кто-то есть. Стоит!» Прошкин делает свое дело и отвечает: «Да кто там может быть?» Соколов шипит: «Смотри лучше!» Тут уже и Прошкин: «Точно! Вижу!»

– Да что же они увидели-то? – поторопил его Сомов.

Парень в гипсе сделал большие глаза:

– Силуэт! Да странный он какой-то. Пригляделись. Человек вроде. Он стоял в проеме и с высоты смотрел на них. Они одновременно сообразили, в чем странность. Оба увидели его огромную голову и рога над ней! Это был монстр!

Юля и Мишка переглянулись.

– Дальше, Николай, – попросила девушка.

– А что дальше? А дальше он заревел, как они сказали. Тут им и поплохело. Они едва штаны застегнуть успели, потом отвлеклись на секунду, глядь туда – а там уже никого нет. Соколов и Прошкин все бросили, метнулись к мотоциклам и кое-как убрались.

– А сколько они пива взяли? – спросил Сомов.

– Литра по четыре на брата, – честно ответил Колян. – А то и по пять.

– Немало. И не мешали? Ну, там, водочка или типа того?

– Не! Мы все только по пивку! – замотал головой обезноженный и загипсованный Колян.

– Отраву не пьем.

– Отраву! Чо б вы понимали? Водка мозги проясняет, – вдруг ожил старик со сломанной ногой. – А пиво, моча ваша, дурманит! – Он говорил вполоборота. – Верно, мужики?

Другие «поломанные» пациенты палаты одобрительно загудели.

– Вот что, дедушка, будете влезать в наш разговор, я свое обещание сдержу, – строго предупредила Юля.

– Да молчу я, молчу. Красна девица, тебе б в милиции работать.

Надо сказать, она с трудом верила в этот рассказ. Юля поймала взгляд Мишки Сомова:

– А может, они так сильно хотели его увидеть, этого монстра, что и нафантазировали его во всей красе?

Тот пожал плечами:

– Да кто его знает? Чего там в темноте увидеть можно?

– Вы дальше слушать будете? – вопросом напомнил Колян о том, что рассказ его только начат. – Забыли, почему я здесь?

– Простите, Николай, – за себя и Мишку отозвалась Юля.

– На следующий день мы все собрались на тех развалинах. Днем. Нас человек двадцать было. Разбились на три группы. Вооружились битами, газовыми пистолетами, походили по этажам, поглядели: никого. Соколов и Прошкин особенно проявляли инициативу. Часа три мы ходили. Вот тогда Гришка и сказал: «Да разыгрываете вы нас! Это вас надо было отдубасить». А Соколов и Прошкин ему: «А ты сам тут переночуй!» А он: «Легко! Кидайте нам с Коляном по две штуки – мы переночуем». Договорились на тридцати литрах пива, чтобы всем досталось. Я отказываться не стал, неудобно было. Мы с Гришкой решили, что останемся на ночь на следующий день, но на третьем этаже. Так все решили. Там, где Соколов и Прошкин видели монстра. Чтоб страшнее было, – пояснил он.

– Ну, ясен пень, – кивнул Сомов.

– И договорились, чтобы по-трезвому. Приехали мы часов в десять, когда стало смеркаться, забрались на третий этаж и остались там. Бросили по одеялу, оделись потеплее, сигаретами запаслись, кстати. Взяли по газовому пистолету и баллончику. И по ножу. И по бите. Ну так, на всякий случай.

– Если честно, страшно не было? – спросил Мишка.

– Было, но куда деваться? Всё прислушивались к каждому шороху. Курили одну за одной, болтали, шутили, пока Гришка меня не схватил за руку. Или я его? Не помню, – тяжело замотал головой Колян, – кто первый услышал этот рев!

– Рев? – переспросила Юля.

– Да! Отдаленный вначале. Как будто из глубины этого здания. Откуда-то снизу! Прямо из-под земли! Мы языки проглотили. Схватили газовые пистолеты, сидим слушаем. Зубами стучим. Мурашки по коже. Минут пять так просидели. Тишина. «А может, кто-то из наших, а? – спросил Гришка. – Шутит?!» – «Соколов и Прошкин?» – спрашиваю я. «Ага, – отвечает Гришка. – Убью гадов...» И вдруг – тот же рев! Но уже ближе! Может, на первом этаже, а может, и на втором! Вот когда мы подскочили. Целимся в темноту. А потом тот же рев, но уже

рядом, на нашем этаже. «Не подходи! – Гришка заорал. – У нас пистолеты! Грохнем ведь!» А рев уже совсем рядом, но откуда – не ясно. Там всюду коридоры. Стоим ждем. И вдруг я вижу: в конце коридора слева – движение. Тень идет прямо на нас. «Не подходи, – теперь уже я говорю. – Не надо! Хуже будет!» А он, этот черный, сделал еще два шага в нашу сторону. А там свет луны падал через проем окна. Вот тут я и увидел его: морду быка и рога. И грудь такую здоровую, накачанную, как у атлета. Он, этот монстр, едва показавшись и застыл в этой тени. Тут Гришка не выдержал и пальнул в него. И я за ним. Я видел, как монстр дернулся, мы попали в него, но ему пофиг было! Я услышал его тяжелое дыхание. Хриплое. И вновь он двинулся на нас. И тут мы не выдержали оба – стали отступать, пятиться. А он пошел на нас, и свет падал в окна и освещал его рога, такие вывернутые, кольцом, и эту страшную звериную морду. Как мы оказались около той разрушенной стены, я не помню. У меня от страха ноги ватными стали. Мы просто за спину не смотрели, а он шел на нас и шел. Мы и оступились одновременно. Помню, как я полетел вниз, потом хруст, это ветки были, потом шлепок такой жуткий – это Гришка на кирпичи упал, у него голова раскололась. А я рядом, на землю, спиной. Боль жуткая, в глазах плывет, а я наверх смотрю. И вдруг эта голова с рогами выплывает над третьим этажом и смотрит на меня. Тут я и отключился. Пришел в себя, когда ребята меня к дороге несли. Все, – выдохнул Колян.

– Кошмар, да? – спросил Мишка.

– Вот это история, – пробормотала Юля. – Тут не то что для «Аргументов и фактов», тут для телепередачи «Очевидное – невероятное» на целую программу материала хватит.

– Тебе повезло, Колян, – предположил Сомов. – А мог и головой повредиться.

– Еще как мог! Меня до сих пор кошмары мучают, – кивнул загипсованный охотник за приключениями. – Как теперь жить-то дальше? – вдруг спросил он. – Когда знаешь, что там такой ужас затаился? – Мишка поймал взгляд Сомова, а потом Юли. – На развалинах кирпичного завода? Ведь мне никто не поверил толком, решили, что я таким образом смерть Гришки покрываю. Мало ли, мол, чего у нас там ночью вышло? Напились – и рухнули. Но кровь на анализ-то взяли – не было алкоголя. Мы решили, что на следующий день уьемся. Теперь месяц ждать, а то и полтора.

– А то и два, Николай, – кивнула Юля.

– И Гришку уже не вернуть, – его голос предательски дрогнул, – а ведь мы не разлей вода были.

– Но ты все равно храбрец, – подбодрила его корреспондентка. – Я тебя уважаю, Николай Чубкин, – она потянулась и сжала пальцы его здоровой руки.

– Спасибо, – благодарно всхлипнул он. – Пацаны за Гришаню отомстят. И за меня. Они уже клятву дали.

– Какие пацаны? – спросил Мишка.

– Дружбаны, какие. Байкеры из нашей банды! Сказали, найдут монстра и убьют его. И голову на стену повесят!

– Ясно, – кивнул Сомов.

Через десять минут они распрощались с Коляном и другими пациентами палаты. Покинув больничный корпус, ребята направились к стоянке.

– Если выстрелить человеку из газового пистолета в лицо, что будет? – риторически спросила Юля.

– Плохо человеку будет, умереть может. Я так думаю.

– А быку? Если выстрелить в морду быку?

– Ну, бык, может, и не умрет, но взбесится и все переломает вокруг. И всех затопчет.

– Правильно. А если выстрелить в морду человеку-быку?

– Вон ты о чем...

– Ага. Ответ: он и глазом не моргнет – и дальше двинет на тебя.

– Это да. Если верить рассказу этого оболтуса.

– А я ему верю. Человеку-быку все будет нипочем, потому что он, или оно, существо необыкновенное. Если от этого мира, то лишь наполовину. Я ума не приложу, как нам быть, – сказала Юля. – Что скажешь, Гном?

– Лучше бы этот призрак был плодом их воображения, – со знанием дела заметил Мишка Сомов. – А то чересчур жуткая история получается. Байка из склепа.

– Точно! Вот если бы засесть в архивы и порыться, поискать заветные ниточки...

Они уже зашли на стоянку, когда Мишка сказал:

– Есть один человек, который точно смог бы нам помочь.

– Кто?

Мишка хмыкнул.

– А ты не догадываешься?

– Какой-нибудь старичок-историк? Мастодронт-краевед?

– Тепло.

– Да кто, Гном? Я и сама историк, кстати.

– Есть один, кто любого старичка-краеведа за пояс заткнет. Я так думаю.

– Ты меня специально дразнишь?

– Ну так, немного.

Они уже надевали шлемы – вдруг Юля подпрыгнула как ошпаренная.

– Ты серьезно?!

– Ага, догадалась?

– Нет, ты серьезно, говорю?

– Ну да, а что?

– Нашего психа из семейки Аддамсов? Нашего «злого волшебника»? Чудилу?

Она изумленно хлопала глазами, как будто не верила, что поступило именно такое предложение.

– Ну да, – пожал плечами Мишка. – Я только его не видел пару лет. Со школы. Но можно найти, если он не уехал куда-нибудь в страну, где живут придурки.

– У меня от него до сих мороз по коже! От одного его взгляда, – уточнила она. – А я смелая, кстати.

– Ну, мало ли, Белоснежка. Тебя же никто с ним обниматься не заставляет.

– Надеюсь.

– А он на тебя западал. В шестом классе. Ой, западал!

– Помню. Ужас.

Мишка вздохнул.

– Он мне признавался: я б, говорит, для нее домик построил.

– Брр! – поежилась Юля.

– А я ему: где, рядом с моргом?

– Вот-вот!

– Потом тебя забрали в Москву. Он мне говорил: «Хочу смастерить куклу, похожую на Юлю Пчелкину, оживлю ее и буду любить, а потом у нас дети будут».

Юля приложила руку к сердцу:

– Кошмар! Не надо. Я сейчас заплачу.

– Ничего, потом отпустило. Смирился наш волшебник.

– Ты ведь меня тоже звал на каких-то руинах жить, – вспомнила Юля. – В пятом классе.

– Я другое дело, я человек солнечный.

– Но жить звал на руины.

– На чердак, – поправил ее Сомов. – Я тебя звал жить на чердак в бабушкином доме. Там сухой теплый чердак.

– Это успокаивает. Кстати, где он учится, наш Чудила?

– Надо узнавать.

– А есть предположения?

Мишка кивнул:

– В институте смертельно больных, на кладбищенском факультете. Где же еще? Специально для него могли открыть.

– Это точно. Ну что, поехали?

Они забрались в седла, застегнули шлемы. Воинственно зарычал мотор, и «Ямаха» с молодыми людьми, вырвав из ряда машин, медленно покатила в сторону шлагбаума...

2

До позднего вечера Мишка обзванивал всех друзей и знакомых, пока не узнал, где обитает их одноклассник. После окончания школы тот переехал с родителями в соседний район. «Если я ему позвоню, он меня отфутболит, – сказал по телефону Мишка подруге. – Лучше нагрянуть и прижать к стенке». – «Тогда нагрянем и прижмем, – согласилась та, – прямо сегодня. Сейчас». После ужина Юля и Мишка сели на мотоцикл и, слетев по улице Алексеевской вниз, понеслись по проспекту вдоль Волги. Сверкавшая огнями набережная, шумная, гремящая, летним карнавалом покатила влево. Потом вновь подъем. Еще несколько улиц, и скоро они вышли у высотного дома в спальном районе, где жил их странный одноклассник.

Почему странный? Тут особый разговор!

В далеком восьмом классе это был длинный тощий страшила в очках с толстыми линзами, все время сидевший за книгами. Паша Киселев говорил о легендах, поверьях, привидениях, кладбищах, раскопках древних могильников, о разрушенных замках и домах с теми же призраками, о кладах и проклятиях! Он просто бредил стариной и потусторонним миром! Поэтому и прозвища у него были под стать: Призрак, Скелет, Аддамс – ведь именно такой тип должен был родиться в семейке Аддамсов! Но больше всех закрепилось Чудила: Паша всячески искал связь дней нынешних с веками минувшими и находил их. Однажды он принес на урок настоящий человеческий череп, который выкопал в каком-то могильнике, выварил его и покрыл лаком. Паша утверждал, что череп заколдован и на нем лежит древнее проклятие, и кто коснется его, когда он будет читать заклинание, на того это проклятие благополучно перейдет. Девчонки бегали от одноклассника с черепом как от огня, да и мальчишки не больно хотели видеть его в своей компании. Бить его опасались. Даже самые крутые силачи побаивались, не читает ли Чудила проклятие, когда смотрит на их кулаки. Так он и жил отшельником, почти изгоем в классе, а неординарная внешность лишней раз проводила дистанцию между ним и его сверстниками.

Юля и Мишка хитростью проникли в подъезд, в лифте поднялись на восьмой этаж и теперь стояли у дверей общего пенала.

– Ну что, стучимся в двери ада? – спросил Сомов. – Вызываем злого духа?

– Стучимся и вызываем, – кивнула Юля.

Мишка нажал на кнопку звонка – одну из трех на косяке.

– Спрячься! – вполборота бросил он Юле. – Пусть будет сюрприз!

– Точно?

– Да! Будешь козырной картой! Ферзем! И потом, его надо подготовить – а то Чудила увидит тебя и в обморок брякнется.

– Ладно, – согласилась Юля и ушла в темноту на лестницу.

А в пенале уже открывался дверной замок. Зашаркали тапочки.

– Кто? – спросил за общими дверями женский голос.

– Здравствуйте, – отозвался Сомов. – А Паша дома?

– А кто спрашивает?

– Друг детства.

– Это с каких это пор у Пашки друзья детства появились? – совершенно искренне спросила женщина. – Ладно, сейчас позову.

И зашаркала тапочками обратно. «Пашка, тебя!» – донеслось издалека. Потом слышались другие шаги, но уже шлепающие. Щелкнул замок, и дверь открылась. На фоне золотого света прихожей стоял длинный худой молодой человек, носатый и губастый, обиженный всем своим видом на весь мир.

– Привет, Кисель.

– Я больше не Кисель, – ответил тот.

Глядя на хозяина снизу вверх, Сомов усмехнулся:

– А кто ты теперь? Зорро?

– Вот что, Рыжий, если ты будешь давить на меня, то я против. Иди откуда пришел.

– Не буду, Кисель. Ой, – спохватился он. – Прости. Паша.

– Павел.

– Прости, Павел. Ну уж тогда и ты меня Михаилом называй.

– Я согласен, Михаил.

– А где твои окуляры? Очки с толстыми линзами, которые так все любили? Особенно девушки.

– Мне сделали операцию – теперь вижу третью строчку снизу.

– Круто. Теперь бы мы тебя Соколом прозвали. Ты где-нибудь учишься, Павел?

– А что?

– Да просто спрашиваю.

– Тебя это так волнует?

– Очень.

– Да мы вроде друзьями никогда не были?

– Ну не были. А теперь вот интересуюсь. Ну, сказать-то можешь?

Длинный губастый Паша все еще приглядывался к однокласснику.

– В Академии культуры на краеведческом факультете.

– Класс! – вырвалось у Мишки. – Уже всех педагогов за пояс заткнул? Всех запугал эрудицией? И версиями? Потусторонними особенно?

– Тебе чего надо от меня? – нахмурился и без того серьезный Паша. – Я ужинать собирался.

– У меня вопрос по краеведческой теме, представляешь?

– С трудом. Тебе-то она зачем, эта тема?

Мишка покачал головой:

– А вот надо. И кстати, я не один. – Он оглянулся назад.

– А кто с тобой? – насторожился Паша. – Я и тебя-то не больно рад видеть, а кого-то еще – так и совсем. Я, наверное, пойду... – засомневался он. – А ты оставайся, если хочешь, – он все говорил без тени улыбки. Паша кивнул в темноту: – Только смотри, у соседей собака злая.

– Я с дамой, Кисель.

– Павел, – мрачно поправил гостя хозяин дома.

– Я с дамой, Павел.

– И зачем мне твоя дама?

– Да ты знаешь ее – учились вместе!

– Мне безразлично – я вас всех терпеть не мог.

– Это особая девушка!

– Привет особой девушке. И пока.

Паша уже хотел было закрыть дверь, но на лестнице слышались легкие шаги.

– Сюрприз! – сказал Мишка Сомов.

Из-за косяка вышла, покачивая бедрами, она, девушка в джинсовом костюме, и привалилась к косяку.

– Привет, Киселев. – В руках она держала пылающий красный шлем.

Паша затрепетал: что-то очень горячее всколыхнулось в нем, и прилив этих чувств отразился на его лице. А потом, когда греза стала явью, у него отпала нижняя челюсть. Он смотрел на гостью и моргал глазами.

– Я тебе говорил, – вполоборота бросил Мишка. – Если бы ты вышла сразу, его бы кондратий схватил.

– Юля? – прошептал Паша. – Пчелкина?

– Она самая, Киселев, – улыбнулась девушка.

Мишка покачал головой:

– Эффект разорвавшейся бомбы.

А Паша все моргал и моргал глазами, поедая взглядом налившиеся формы девушки, ее веселые лисьи глаза и лукавую улыбку.

– Какая ты стала...

– Да, Киселев, время пошло мне на пользу, – согласилась Юля. – Сомову тоже нравится.

– У тебя сейчас слюна потечет, Павел, – ревниво заметил Мишка. – Ты, кстати, бешенством не заболел? Тебя ведь, говорят, собака кусала. Нездоровая. В девятом классе.

– Это было в десятом. И собака была здоровая, – заметил Паша. – У нее потом кровь брали. А ты, Пчелкина, как в Вольжанске-то оказалась?

– В гости приехала.

Мишка усмехнулся:

– У нее тут бабушка живет, и потом, она по мне соскучилась. Может, мы пожениться собираемся.

– Правда? – горестно заволновался Паша.

– Нет, неправда, – ответила Юля. – Мы с Мишей друзья. (Сомов разочарованно развел руками.) Но самые лучшие, – Юля положила руку ему на плечо. – И у нас к тебе дело.

– Какое?

– Важное. Очень. По твоему профилю. Ты готов помочь нам? Мне? – на всякий случай уточнила она.

– Готов, – тотчас кивнул тот.

Это был произвольный, непродуманный кивок. Он шел из глубин его подсознания, всего естества.

– Вот и молодец, Паша, – улыбнулась Юля.

– Тебе можно называть его Пашей, а мне нельзя? – поинтересовался Мишка.

– Да, ей можно, а тебе нельзя, – ответил за девушку Киселев.

– Ну, дает! – покачал головой Сомов. – Ладно, стерплю.

– А чего мы тут стоим? – спросила Юля. – Пошли на улицу, посидим у подъезда. Там и расскажем. В этом деле помочь нам сможешь только ты, Киселев, потому что ты в своем деле мастер. Надевай ботинки, – кивнула она на его длинные ступни в старых порванных тапочках.

– Мы ждем!

В лифте Паша то и дело смотрел на Юлю. Если даже для Сомова она выросла с каждым приездом и Мишка всякий раз восхищался ее ладностью, то что говорить о Киселеве: он-то не видел Пчелкину с восьмого класса! Для него она из легкой Дюймовочки, грезившей спортивными достижениями, превратилась в прекрасную взрослую женщину. В принцессу на выданье! А ведь он мечтал о ней когда-то днями и ночами!

Юля тоже присматривалась к Паше и время от времени улыбалась.

– Чего? – вдруг сконфуженно спросил Паша, когда лифт уже несся вниз.

– Да так, – пожала плечами девушка.

Киселев повзрослел, возмужал, он был уже не таким устрашающе худым, похожим на скелет, с вечно оттопыренной нижней губой и невидящим взглядом. Вислая губа, конечно, осталась, но все остальное более или менее пришло в норму. А главное – взгляд: он стал сосредоточенным, как у молодого ученого, решившего во что бы то ни стало стать великим изобретателем.

– Ну правда, чего?

– Да, и чего ты так загадочно улыбаешься, Белоснежка? – спросил Сомов.

– Пашин череп вспомнила, – призналась она. – Тот самый, с проклятием.

– Да-а, – протянула Мишка. – Было весело!

– Не мне, – мрачно ответил Паша. – Родителей к директору вызвали. А они потом обыск устроили. И все кости, которые я выкопал, и выварил, и лаком покрыл, выбросили. Сказали: или мы, или кости.

Лифт вздрогнул и остановился.

– Признайся, ты ради костей и от предков бы отказался, – усмехнулся Мишка.

– Не смешно. Отправим тебя в интернат, сказали, – добавил Паша.

И двери лифта разъехались. Они вышли на парадный подъезд. Было уже темно. Ближние дома лучились огнями. К счастью, обе лавочки оказались не заняты. На одну из них и приземлились трое молодых людей.

– Ты готов, Паша, выслушать страшную историю? – спросила Юля.

– Я всегда готов выслушать любую страшную историю, – ответил их долговязый одноклассник.

– Ты ведь знаешь развалины завода купца Мельникова за городом?

– Еще бы, – откликнулся тот. – Я про них все знаю.

Хоть было и темно, но Юля перехватила взгляд Мишки. Кажется, они пришли по адресу.

– И про страшного призрака знаешь, который появляется на развалинах?

– Директора завода? – усмехнулся Паша. – И про него знаю. Хотя никакого призрака директора завода не существует.

– Вот и мы об этом. Не про директора завода. Про того, что с головой быка.

– А-а, – радостно кивнул Паша. – Это другое дело.

– Реакция положительная, – заметил Мишка Сомов.

– А что ты про него знаешь?

Киселев внимательно посмотрел на девушку.

– А что вам именно нужно?

– Все. Буквально все.

– Говорят, у него огромная голова и рога. У этого призрака. И что он ревет странным рыком, похожим на мычание. И появляется он крайне редко.

– Всё верно, – призналась Юля.

– Расскажи ему, Белоснежка, – посоветовал Сомов. – Или хочешь, я расскажу.

– Я сама расскажу, – решила не отпустить инициативу Юля. – Ты прав: ребята, которые тусуются вокруг завода, уже не раз видели на развалинах человека с головой быка – почти что греческого Минотавра. Иногда по ночам он подавал голос. Несколько дней назад один парень погиб, другой покалечился. Едва выжил; мы говорили с ним сегодня в обед.

Глаза Паши вспыхнули любопытством:

– И что он рассказал?

– Много чего!

– Он видел его? Близко?

– Слушай, Киселев, и внимательно, – сказала Юля.

И она подробно рассказала Паше про то, что они узнали всего несколько часов назад. Еще в середине рассказа Паша подскочил с лавки и стал взволнованно ходить рядом с ними и оживленно кивать.

– Я знал, что рано или поздно это случится, – когда рассказ был окончен, пробормотал Паша, и ребята впервые увидели на его лице улыбку.

Надо сказать, она настораживала! Если не отпугивала.

– Смотри-ка, стоило заговорить с ним про смерть и ужасы, как ему похорошело, – тихонько заметил Мишка. – Эх, Киселев, Киселев, Аддамс ты наш!

– Я знал, – не слушая его, кивал долговязый Паша. – Знал! И случилось это на нашем веку! На моем веку! – уточнил он.

– Да что ты знал? – спросила Юля. – Что случилось?

– Нам надо попасть в наш музей, – вдруг сказал Паша.

– Сейчас? – удивилась Юля.

– Ночь в музее? – усмехнулся Мишка Сомов. – Супер!

– Нет, конечно, утром, – ответил Киселев.

– Ну, слава богу, – заметил Мишка. – Логика пока не изменяет ему.

– А потом надо навеститься и в библиотеку, в архив, но это будет дольше. И еще неизвестно, цело ли то, что я буду искать. Без чего нам не обойтись.

– Нам? – переспросил Сомов.

– Теперь уже «нам», – кивнула Юля.

– Но вначале надо попасть в музей, – заключил Паша Киселев. – Только кто нас пустит в архивы музея?

– Я пушу, – гордо ответил Мишка.

– Ты? – удивился долговязый Паша.

– Что, Чудила, не ожидал?

– У него там тетя завхозом работает, – пояснила Юля.

– Заместителем директора по хозяйственной части, – поправил ее Мишка.

Юля кивнула:

– Короче, договоримся.

– А-а, тогда хорошо, – обрадовался Паша.

– Ты сказал: я знал, что это рано или поздно случится, – напомнила Юля. – Хоть намекни!

– Нет, – покачал головой Паша. – Завтра.

– Какой ты вредный, Киселев, – заметил Сомов.

– Какой есть, Сомов.

– Ладно, – Юля хлопнула себя по коленям и легко встала с лавки. – Теперь обменяемся телефонами – и по домам. Завтра в одиннадцать у музея. Да, Паша?

– Да, Юля, – кивнул тот. – Спокойной ночи.

Они расстались. Киселев пошел ужинать. Юля и Сомов двинулись к мотоциклу.

– «Да, Паша, да, Юля», – когда они садились в седло, сказал Мишка. – Прямо что ты!

– Ты ревнуешь, Сомов? – заметила ему на ухо Юля.

– Немного.

– Ну-ну.

– Белоснежка, Гном и Чудила, – пробормотал Сомов. – Вот компашка! Кто бы сказал – не поверил бы!

– Да не бурчи ты, как старый дед!

– Хочу и бурчу.

Молодые люди надели шлемы. Юля не удержалась и ущипнула его сразу за оба бока.

– Ай! – гневно вскрикнул Сомов.

– Домой, Гном! – скомандовала юная амазонка и тесно обхватила кавалера руками.

– Есть, Белоснежка! – откликнулся тот.

Мишка Сомов включил зажигание, круто поддал газу, «Ямаха» зарычала и мягко рванула с места.

Глава вторая

Элегантный иностранец и легенда о Минотавре

1

Юля проснулась в восемь утра и решила не терять времени даром. Музей с провинциальными картинами, решила она, будет ближе к полудню. А пока что она сматается в архив, представится студенткой МГУ и корреспондентом газеты «АиФ» и попросит у архивариуса, какого-нибудь белого мотылька-очкарика, взглянуть на архив промышленника Мельникова. Кто ей откажет? Любой, кто посмотрит в ее веселые зеленые глаза, откроет перед ней двери и скажет: «Милости просим, дорогая Юлия Пчелкина! Переступите порог, окажите такую любезность!» Если, конечно, ей на пути встретится мужчина. Женщина, напротив, еще собак на нее спустит. После завтрака Юля предварительно позвонила в архив и узнала, что начальника хранилища зовут Тюрин Валерий Витальевич. Она даже выведала, что ему тридцать пять лет. Спросила: «Ой, это не тот самый Валерий Витальевич, который преподавал в университете, ему лет пятьдесят пять, да?» – «Вашему Валерию Витальевичу, девушка, может, и пятьдесят пять, – сказали ей в отделе кадров, – и даже шестьдесят, а нашему – тридцать пять. И в университете он не преподавал, а только в институте культуры».

– Тридцать пять – отлично! – положив трубку, бросила Юля и вытащила из шкафа добела вытертые джинсы, из старых, в которые с трудом влезала в прошлом году.

И теперь едва влезла – долго двигала бедрами! Зато как она в них смотрелась! Юля надела белую майку на голое тело и повернулась перед зеркалом. Подумала и сказала:

– Нет, это уже чересчур! Мне уже не семнадцать, – сняла майку, надела лифчик и вновь влезла в майку. – Степень эротичности остается высокой, – глядя на свое отражение, решила она, – но в пределах нормы. Облучение любопытным грозит минимальное. Живы будут. В данном случае – Валерий Витальевич Тюрин!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.